

УДК: 327

DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы

С.Г. Лузянин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).*

*Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО).*

Российская Федерация, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9578-6023>

e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме: В выступлении автор рассматривает основные параметры китайско-американских отношений, включая их особенности, при президенте Д. Трампе, а также в настоящее время – при президенте Дж. Байдене. Отмечаются четыре современных направления политики США в отношении Китая, включая южноазиатский, евро-атлантический, внутрикитайский и внутриамериканский вектора. Освещены особенности китайской стратегии «двойной циркуляции» и желание КНР сократить зависимость от американского импорта высокотехнологичной продукции. Автор анализирует изменение стиля дипломатии Китая, переход к более активной, наступательной политике, попытки создания «неамериканского мира» вокруг инициативы «Один пояс, один путь», а также ускоренное развитие военно-промышленного комплекса, сокращение отставания КНР по уровню стратегических вооружений от США.

Ключевые слова: США, Китай, соперничество, Дж. Байден, Си Цзиньпин

Для цитирования: Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(8): 75–80. DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects

Sergey G. Luzyanin

National Research University "Higher School of Economics".

20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation.

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).*

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9578-6023>

e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract: In his speech, the author considers the main parameters of Sino-American relations, including the features during the presidency of D. Trump and currently D. Biden. Four modern directions of J. Biden's policy towards China are given, including the South Asian, Euro-Atlantic, intra-Chinese and intra-American vectors, as well as Chinese responses. The features of the Chinese strategy of "double circulation" and the desire of the PRC to reduce dependence on American imports of high-tech products are highlighted. The article analyzes the change in the style of China's diplomacy, the transition to a more active, offensive policy, attempts to create

a "non-American world" around the "One Belt and One Road" initiative, as well as the accelerated development of the military-industrial complex, reducing the backlog of the PRC in terms of strategic weapons from the United States.

Keywords: USA, China, rivalry, J. Biden, Xi Jinping

For citation. Luzyanin S.G. The Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(8): 75-80. DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Актуальность темы не вызывает сомнений. С учётом китайско-американских реалий картина мира складывается, в основном, как конфликтная. Оценки ведущих российских политологов, связанные с формированием «новой биполярности» или «двойной биполярности», подтверждают наличие усиливающегося китайско-американского раскола, влияющего на глобальную и региональную безопасность.

Китайско-американские отношения сегодня плавно трансформируются в многоплановую борьбу «американского» и «китайского» миров, которая разворачивается в мировой экономике, геополитике, культуре. С каждым годом обостряется стратегическая проблема перспектив развития американской (либеральной) системы и модели «социализма с китайской спецификой». Кто выйдет из этой схватки победителем, за кем будущее – вопрос открытый.

Уровень двусторонних китайско-американских отношений был всегда чрезвычайно высок. В 2017 г. двусторонняя торговля товарами и услугами превысила 710,4 млрд долл., включая экспорт из США – 187,5 млрд долл. и импорт в США – 522,9 млрд долл. Американский рынок в тот период поглощал примерно 23% всего китайского экспорта. США являлись основным потребителем китайской электроники, чёрных металлов, продукции машиностроения, одежды. Зависимость китайской экономики от американского рынка была такова, что при снижении американского ВВП на 1,5% китайский экспорт в США падал на 4–5%.

Китай активно скупал финансовые казначейские облигации (в 2017 г. – 1,3 трлн долл.). Действовавший тогда в США китайский фонд «Китайская инвестиционная корпорация» (CIC) за 2017 г. приобрёл крупные доли в 112 ведущих американских корпорациях. В США сформировалась отработанная система лоббирования китайских экономических интересов. Эта система имела мощные политические и финансовые рычаги влияния, поддерживалась высшим китайским руководством. Одновременно крупными лоббистами Китая являлись американские корпорации, работавшие на китайском рынке, включая «Боинг», «Сити групп», «Кока-кола» и ряд других.

Китай после XIX съезда КПК и усиления личного влияния и роли китайского лидера Си Цзиньпина в стране и в мире пытался максимально использовать американские ресурсы для перехода на новую экономическую (инновационную) модель, которая не должна быть полностью завязана на экспорте и внешних рынках. США же пытались через растущую взаимозависимость построить китайскую экономику в мировую либеральную модель, интегрируя китайские фондовые и

иные рынки. Полная либерализация китайской валюты (юаня) в американском варианте позволила бы Вашингтону ускорить этот процесс.

10–13 ноября 2017 г. в ходе визита президента США Д. Трампа в Китай стороны заключили торгово-экономический пакет соглашений на сумму 253,5 млрд долл. Было подписано 34 контракта о сотрудничестве и договора о намерении. Среди достигнутых договоренностей – 26 торговых соглашений на сумму 108,8 млрд долл. и восемь проектов взаимных инвестиций стоимостью 144,7 млрд долл. Важной для Китая была сделка о покупке и совместном участии в производстве китайской нефтехимической корпорацией «Синопек» (*Sinopec*) сжиженного природного газа (СПГ) на Аляске. Данный проект был способен создать порядка 70 тыс. новых рабочих мест в США, способствуя ежегодному сокращению выбросов углекислого газа в Китае на 80 млн тонн.

Нынешний формат китайско-американских отношений складывался за последние 30 лет на фоне дальнейшего роста Китая и относительного ослабления США. Совершенно очевидно, что модель «КНР – США» кроме собственной двусторонней структуры имеет глобальный характер, оказывает существенное влияние на мировые экономические и международно-политические тенденции. Учитывая геополитические и региональные амбиции каждой из сторон, сегодня можно говорить, что успех или неуспех их развития во многом определяет будущую экономическую и политическую стабильность в мире.

В структуре связей двух мегадержав фактически формируется новая постбиполярная повестка мира. Однако какой характер она будет иметь и в каком направлении – взаимозависимости или конфликтности – будут развиваться двусторонние отношения, прогнозировать достаточно сложно.

Китайская концепция и реальная стратегия «мирного возвышения Китая» до 2012 г. (прихода к власти Си Цзиньпина), по сути, была скрытой прозападной политикой. Глобализация 1990-х – 2000-х годов, во многом инициированная и запущенная США, позволила Китаю не только мирно и безболезненно в неё вписаться, но и бесконфликтно получить огромные инвестиции, новые технологии и рынки. В КНР сформировалась иллюзия плавного и мирного перехвата глобальной власти у США. Предложение тогдашнего президента Б. Обамы бывшему китайскому руководителю Ху Цзиньтао о совместной реализации проекта G-2 только усилило эти ожидания.

Первый крах иллюзий возник у китайцев в период президентства Д. Трампа. Проигранный Китаем первый раунд двусторонних переговоров в рамках «китайско-американской сделки» 15 января 2020 г. (примерно 80% на 20% в пользу американцев) усилил «торговую войну», запустив так называемую процедуру «расцепления (*“decoupling”*)».

Второй крах иллюзий возник после победы Дж. Байдена, особенно по завершении двусторонних переговоров в Анкоридже. Китайско-американские экономико-технологические противоречия при Дж. Байдене стали дополняться системным политико-идеологическим противостоянием двух держав. На углубле-

ние этого процесса работало формирование Вашингтоном «Альянса демократий», укрепление «Трансатлантического союза» и др. Условно байденское наступление можно обозначить четырьмя направлениями:

– *Южноазиатский вектор*, в рамках которого наблюдаются попытки США институализировать и расширить четырехсторонний проект “QUAD” (США, Индия, Япония, Австралия). Пока речь не идёт о создании некоего классического варианта «Азиатского НАТО», но антикитайские смыслы и мотивы явно просматриваются. При этом следует иметь в виду, что цели и намерения каждого из участников не во всём совпадают. Несмотря на антикитайские настроения Индии, Австралии и опасения Японии, каждый из них имеет свои экономические интересы на большом китайском рынке, не всегда совпадающие с интересами США.

– *Европейско-атлантический вектор*, слабо развивавшийся в эпоху Д. Трампа и получивший явное ускорение в настоящее время. Солидарность Европейского Союза (ЕС) и США против Китая усиливается. Давление Вашингтона на Брюссель привело к консервации Европарламентом в мае 2021 г. Всеобъемлющего инвестиционного соглашения (ВИС) Европейского Союза и КНР, которое готовилось семь лет, с 2013 г., и в декабре 2020 г. было подписано. Если бы Евросоюз довёл ВИС до реализации, это дало бы ведущим французским, немецким и голландским компаниям преимущественные права на китайском рынке по сравнению с американскими. Соглашения подобному ВИС ЕС – КНР у США нет. Фактически, американцы, используя политические (антикитайские) лозунги, ликвидировали коммерческие преимущества своих европейских конкурентов.

– *Внутрикитайское направление*, связанное с желанием США и их союзников вывести традиционную критику нарушений «прав человека» в КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибет, Внутренняя Монголия, Гонконг) на уровень якобы существующего геноцида отдельных групп населения КНР, проводимого китайскими властями. Под этим лозунгом делается попытка представить Китай в глазах мирового сообщества главным нарушителем гуманитарных норм и правил.

– *Внутриамериканское направление*, обусловленное дальнейшим укреплением межпартийного консенсуса (республиканцев и демократов) по поводу главного китайского вызова для США. Продвижение в Сенате законопроекта «О стратегической конкуренции» 2021 г., направленного на систематизацию противодействия Китаю и мобилизацию всех стратегических, экономико-технологических, информационных и военных ресурсов для сдерживания КНР, подтверждает выход «китайской угрозы» на общенациональный американский уровень. Мобилизация сил и законопроект направлены на то, как эффективнее и быстрее превратить Китай в «мирового изгоя». Экспертной основой данного трека являются работы ведущих учёных в области китаеведения и безопасности – С. Бланка, Д. Ларсон, Р. Росса, Г. Розмана, Э. Качинса, Ф. Старра и ряда других, которые в основном подтверждают идею о приоритетности китайской угрозы (по сравнению с российской).

В условиях ужесточения американской политики в отношении КНР в самом Китае формируются адекватные ответы, из которых можно выделить четыре, хотя на самом деле список их гораздо больше.

– *Стратегия «двойной циркуляции»* китайской экономики, при которой акцент в настоящее время (в рамках планов 14-й пятилетки) китайским руководством делается на внутренний рынок с использованием внешних возможностей. Цель этой стратегии – сокращение зависимости от США, в первую очередь в сфере высоких технологий и программного обеспечения. По оценкам китайских экспертов, для её реализации потребуется 5–7 лет. Следует учитывать, что в настоящее время между двумя государствами сохраняется гигантская торговля – 558 млрд долл. при большом китайском положительном сальдо. Другими словами, запущенное Д. Трампом «расцепление» (“*decoupling*”) при Дж. Байдене в торгово-экономической и инвестиционной сферах не развивается, взаимозависимость сохраняется.

– *Попытки формирования «неамериканского мира»* (новое понятие, требующее дополнительного изучения) вокруг инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), в который включено более 100 государств, из которых прямыми финансовыми реципиентами Китая в рамках данного проекта являются 64. Просматривается желание Пекина подвести под данную инициативу некую идеологическую основу в плане продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Данный трек, на наш взгляд, находится на самом начальном этапе реализации и сталкивается с растущим противодействием не только со стороны США и их союзников, но и части развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие в мире опасаются растущего финансового и политического могущества Китая.

– *Изменение стиля китайской политики.* В последние годы эксперты отмечают усиление наступательности китайской дипломатии («самоуверенная дипломатия», «дипломатия воинов-волков»). Очевидно, что принцип Дэн Сяопина – «держаться в тени и скрывать свои возможности» остался в прошлом. Возвышение Китая в эпоху Си Цзиньпина заставляет его более активно позиционировать себя в мире.

– *Военно-стратегический ответ.* Обострение отношений с США предполагает активное развитие китайских военно-стратегических сил, включая все три компонента ядерной триады: стратегическую авиацию, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные лодки. Между КНР и США сохраняется значительная асимметрия по этим компонентам (по оценкам экспертов СИПРИ, примерно 1:8). Китай, как известно, не идёт на переговоры о стратегических вооружениях и их ограничении, считая, что это исключительно двусторонний российско-американский диалог. Одновременно китайское руководство форсирует развитие своего военно-промышленного комплекса (ВПК), на который в 2020 г. потрачено 209 млрд долл., что составляет примерно 6–7% валового внутреннего продукта (ВВП).

Таким образом, китайско-американские отношения в политической и экономической частях стали более системными и более противоречивыми. Ослабить

или полностью нормализовать их в настоящее время и на ближайшую перспективу представляется практически невозможным. Вариант создания российско-американского альянса против Китая также невозможен сегодня. При этом и военный союз между РФ и КНР против США маловероятен и не нужен России. В структуре китайско-американских отношений фактически формируется новая биполярность мира.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20;
профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО).
Российская Федерация, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76.

Sergey G. LUZYANIN, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Foreign Regional Studies, the National Research University "Higher School of Economics".
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation;
Professor of the Department of Oriental Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 8.07.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 9.07.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 12.07.2021.